

ПРИЗРАК В ЛИТЕРНОЙ БРОНЕ

Алексей Пурин. Седьмая книга. СПб., 2017.

Современное искусство резко разошлось по двум направлениям: те, кто идет первым путем, не гнушаются никакими выразительными средствами, провозглашая тотальную победу свободы над культурой: писатель мостит его фекалиями, художник украшает собственной голой задницей, а поэт вывешивает лозунг с лексикой, одолженной у таксистов. Второй путь скромнен, не путь даже, а тропинка, ее и найти трудно: ни тебе указательных знаков, ни рекламных плакатов. Идут по ней немногие, идут пешком, спотыкаясь, уставая, сбиваясь с пути, но на помощь не зовут, ибо знают: важнее всего для художника — сохранить собственное достоинство.

Вьется эта тропинка, вьется и приводит на пристань, а дальше — в трюм плывущего навстречу своей гибели корабля, где кто-то, расположившись на полу, тихо читает:

Потому, что жемчуг умирает,
и мутнеет дряхлое стекло,
и влюбленность ветреная тает,
лишь любовь стенает тяжело
пассажиркой, запертой в каюте
сердца, уходящего на дно,
зная: мир в его утробной сути —
только там, где тесно и темно.

(Из сборника «Долина царей», 2010)

Ты тоже садись, смотришь в его сторону и видишь грузного человека с умными совиными глазами. Это Алексей Пурин.

Для Пурина, автора «Седьмой книги»¹, как будто не существует той реальности, в которой ищут свое место за праздничным столом наши современники. Главная его тема — история, упадок цивилизаций. Преемник Кавафиса (и немного Тютчева), Пурин живет в ином мире, в том, что начали строить еще несколько тысяч лет назад, а потом бросили. В том мире вы не отыщете ни Пунина, ни Путина², зато найдете Сикста, Пия, Цезаря, Нерона:

И Сикст, и Пий, и Цезарь, и Нерон...
Процессия всеобщих похорон.

Агриппу и Адриана:

Отверстие, нацеленное ввысь:
не всем богам, небесным лишь молись.
Построил, пишут, щедрый Марк Агриппа,
друг Августа; а позже Адриан
украсил...

¹ Алексей Пурин. Седьмая книга. СПб., 2017.

² Только римскую голову последнего.

Севера:

А я, чужак, как некогда Север
какой-нибудь, не знающий манер...

И даже Макрина (надо посмотреть, кто это такой):

Макрин, минутный повелитель Рима...
Из Рима Пурин переносится в Тюбинген:

В пивной, где Гегель с кружкой пива
горланил...

Из Тюбингена — в Белград:

Тяжелые шмели гудят в бутонах роз
на языке одном, раздвоенном некстати:
ведь в Загребе вдохнут, а выдохнут в Белграде.
Где мог бы править Крез — руины и некроз.

Из Белграда — через Вену — во Францию:

В Амьене, в Шартре, в Реймсе сталагмиты
вросли в лазурь, но больше не растут.
Кто оязычил каменщиков, тут
стучавших в лад? Куда ушли термиты...

Из Франции — в Испанию: в Гранаду («гранатовая Гранада»), в Севилью («сервильнейшая Севилья»), в Толедо («Толедо — / в кольце торопливых рек»; а ведь именно так!), «в кишащий людьми Мадрид» (и снова — точь-в-точь!), из Испании обратно в Италию, еще — в Гаэту («хорошо, хоть Европа / держит ноги в тепле»), в Сперлонгу («Дафнисова сиеста / кончится (ровно в шесть!), / Хлоя замесит тесто, / и позовут поесть»), в Неаполь («Испанское безумие на фоне / Везувия» — метко), а оттуда рукой подать обратно в центр нашей Вселенной, в Рим. И мимоходом — в Павловск:

Здесь был когда-то Павловский вокзал,
единственный, где музыка звучала...

И:

С государем
всяк вел Отчизну к гибели, как мог.
А он — стишками: «Братушки, ударим!
Шекспира посильнее наш сапог!»

Он — это К. Р., «августейший поэт».
Заканчивает Пурин — вовсе в Антиохии:

Крови
не страшился родственной он пролить
(*Деметрий Сотер*)

Что в итоге? Одна голова — с дырой,
а другая отсечена...
(*Александр I Балас*)

(Он потом убил его, да и сам
Антиохом Седьмым убит...)
(*Диодот Трифон*)

Антиоха парфяне добьют. Уйдет
От парфян Деметрий — и вновь
С Клеопатрой в Сирии заживет;
но и эта прольется кровь.
(*Деметрий II Никатор,
Антиох VII Эвергет*)

Счастливым бог!
Только в будущем — ничего,
кроме плена и гибели...
(*Александр II Забина*)

Это цикл о Селевкидах. Кто о них ныне помнит? У Россини есть опера «Деметрио и Полибио», Гоар³ о ней написала, я прочел, вот все, что знаю об этих храбрых ребятах. А у Пурина — стихи.

* * *

Меня всегда поражала наивность Достоевского, утверждавшего, что Россия больше Европа, чем собственно Европа. Вот, пришли-приехали. Пурин — больше Европа, чем сама она. И болезнь, которая их мучит, тоже одна, и не хандра она, и не сплин, а нечто другое, атаксия, что ли. Обреченность, смирение. Все идет своим чередом, и человек ничего с этим сделать не может. Цивилизации — как растения, они зарождаются, наслаждаются солнцем, расцветают, увядают и умирают. Они не могут за себя бороться, они не люди. Именно растения.

И честные патриции, увы,
не понаедут к маю
из Рима, не сносивши головы,
в целительную Байю...

Дремотное баюканье олив,
благоуханье рая...
Но время, и богов испепелив,
течет, играя.

³ Писательница Гоар Маркосян-Каспер.

И в этом ничего удивительного, говорит Пурин, потому что так было всегда и так будет всегда. Еще немного — и разобьют вдребезги Давида, разорвут на куски «Мадонну с гарпиями», а по каналу Гранде под торжествующий крик муэдзина будут плыть гондолы с мужчинами и женщинами, покрывшими головы лоскутом от гобелена Рафаэля, и единственное, чего не хватает, — так это звучного «O, sole mio!» гондольера, потому что его голос слишком высок, чтобы взять не такие уж низкие ноты этой песни. (Это уже от меня.)

* * *

Два слова о форме. Нетривиальные рифмы...

Но слава — что — пустая пря:
звенит, карман не серебра.

(Вообще говоря, тут Пурин не прав: бывают виды деятельности, где только слава и поможет серебрит карман.)

...немало любопытных образов...

И что стихи? — плоды греха,
питомцы смерти, дети страха...

...созвучий...

Столько замороженных ничьих ночей
Ты глядел в горячий живой ручей...

...богатейшая лексика...

Плеч и лядвий слаще в целом мире
не было...

...легкая насмешливость, изредка переходящая в сарказм...

Ну что ж, заслуженные лавры!
Да и по росту эта роль —
Стокгольм, нордический король,
тупых писак абракадабры.

...самоирония, наконец:

Я — призрак в литерной броне...

* * *

Пурин — пессимист. Разложение, смерть у него — на каждом па:

Все кончается в зале без окон,
при больнице, на заднем дворе...

Или

Решай же, смертный, как тебе —
в халате ль, скажем, и небритым...

Пурин не призывает бороться с неизбежностью, не призывает даже с поднятой головой встретить свою судьбу. Он смирен, как православный. Наверно, он православный и есть. Но не по Церкви, а по Достоевскому:

Ты любила Бога и молилась.
Я люблю Христа и не молюсь.

Господь — а что с ним? Он непостижим:

Непостижим Господь! И нет
мостка над бездной...

Тут я немного разойдусь с Пуриным. Ованес Григорян, поэт хороший, армянский (армяне — хорошие поэты), ныне, увы, покойный, как-то сказал мне: «Поэт обязательно должен верить в Бога». Я ему поверил — и поверил, но не в Бога, а в Богиню. В Киприду, как Пушкин (а заодно и в Аполлона). Поэтому мне более близки вот какие строки Пурина:

И там, на острове Киферы,
блаженно выплывшем из книг
подобьем первозданной сферы,
тысячелетья — только миг.

* * *

Иногда у Пурина все же появляется какая-то бравада, желание показать тем, кто правит балом свысока, что он может пошутить за их счет — а заодно и за наш с вами:

Во сне привиделось: в аду
я то мучение найду,
что вечно буду мерзкой твари
«на случай» вирши сочинять;
а рядом дудочки ваять
нечистым будет Страдивари.

Всё будет — как на Соловках:
и кисти, и резцы — в руках,
и драмкружок, и взвод расстрельный.
То Моцарт «Мурку» напоеет,
то Данта выведут в расход,
то Блока вздернут за котельной...

А ты, читатель мой, в раю
окажешься (на том стою —
да и не может быть иначе!), —
советчик верный мой и врач, —
и там среди рублевских дач
не загрустишь о нашем плаче.

Но в целом — смирение. Единственное, что Пурин оставляет за человеком, — тихую гордость. Хорошо делать свое дело. Ухаживать за своим садом, вязать свой свитер, написать свое стихотворение. Вот его «Памятник»:

Я памятник воздвиг — едва ли ощутимый
для вкуса большинства и спеси единиц.
Живые сыновья, увидев этот мнимый
кумир, не прослезят взыскующих зениц.

И внуки никогда, а правнуки — подавно,
в урочищах страстей не вспомнят обо мне —
не ведая о том, сколь сладостно и славно
переплавлялась боль на стиховом огне.

Слух обо мне пройдет, как дождь проходит летний,
как с тополей летит их безнадежный пух, —
отсылкой в словаре, недостоверной сплетней.
И незачем ему неволить чей-то слух.

Умру. И всё умрет. И гребень черепаший
Меркурию вернет плешивый Аполлон.
И некому, поверь, с душой возиться нашей
и памятью о нас: нам имя — легион.

Капитолийский жрец, и род славян постылый,
и утлый рифмоплет — всё игрища тщеты.
Но, муза, оцени — с какой паучьей силой
противилось перо величью пустоты.

(Из книги «Неразгаданный рай», 2004)

Умру. И все умрет... Это можно принимать. Да, человек обречен. А вот *нам имя легион* — никак нет. Это излишняя скромность — или кокетство.
Пурин не то что хороший поэт — он поэт значительный.

Калле КАСПЕР